В гостях у Шломо, друга Виктора Некрасова

ОН ДО СИХ ПОР ЖИВЕТ и трудится в кибуце, одним из основателей которого был еще в конце двадцатых годов. Это довольно далеко от моря, от Тель-Авива и других больших городов, по израильским понятиям — совсем на другом краю страны. Но здесь, в тихом и не очень богатом природой Сде-Нахуме, в деревянном домике Шломо Эвен-Шошана царит какой-то особый творческий дух, напоминающий скромные обители древних мастеров и Мыслителей.

Высокую степень духовности ощущаешь, едва переступив порог...—так и хочется сказать — «хаты». На самодельных полках уйма книг. На стенах много интереснейших фотографий. Теснятся толстые словари, громоздятся папки с рукописями. Последние полвека отданы литературному труду.

Его фамилия — я убедился в этом в первый же день прихода в Израиль — известна каждому грамотному израильтянину. Как русскому человеку фамилия Владимира Даля или украинцу — Бориса Гринченко. Известна в первую очередь благодаря его старшему брату Аврааму — составителю классического «Нового словаря» иврита, ставшего буквально настольной книгой всех, кто изучает этот древний и такой жизненно необходимый здесь сегодня язык. Говорят, что настольной книгой стала также и его «Новая конкорданция» к Библии, изданная лет десять назад незадолго до кончины автора, члена Академии языка иврит, лауреата самых престижных литературных премий Израиля.

Но и сам Шломо, один из старейших израильских эссеистов, редакторов и переводчиков, широко известен в стране. Ему 84 года, однако он еще пребывает в достаточно хорошей творческой форме. Совсем недавно, например, закончил перевод на иврит поэмы Андрея Вознесенского «Ров». А, скажем, знаменитый симоновский лирический сборник «С тобой и без тебя» перевел и издал на иврите еще во время второй мировой войны. А «Бабий яр» Евгения Евтушенко — сразу же после того, как стихотворение было напечатано в «Литгазете» в сентябре 1961 года. А еще двумя годами раньше — тоже через «Литературку» — познакомился с известной статьей В. Некрасова «Почему это не сделано?», впервые поднявшей больные проблемы Бабьего яра.

Вообще-то Шломо переводил много хороших русских поэтов и прозаиков, в том числе таких, как Аксенов, Ахмадулина, Бек, Вигдорова, Тендряков и другие, но интерес к трагедии Бабьего яра был у него совершенно особый. Собственно, именно эта тема послужила причиной его личного знакомства с Некрасовым, Евтушенко и Анатолием Кузнецовым (уроженцем Киева и автором нашумевшего в свое время романа «Бабий яр»), а также явилась стимулом для туристической поездки в Советский Союз еще в ту пору, когда это было не то, что не модно, но даже весьма и весьма рискованно. Израиль считался тогда едва ли не главным империалистическим агрессором и вообще зловредным очагом сионизма, отношения между нашими странами были до предела напряженными, общаться с иностранцами «оттуда» считалось делом неблаговидным, антипатриотическим и политически просто подозрительным. Но Некрасов несмотря на свои тогдашние неприятности радушно принял незнакомого гостя у себя дома в Киевском пассаже, несколько часов они беседовали, не предполагая, что это уже начало дружбы, которая растянется на многие годы вплоть до кончины автора «В окопах Сталинграда».

Встреча произошла в апреле 1963 года. За месяц до того Хрущев «раздолбал» некрасовский очерк «По обе стороны океана». По словам самого Некрасова, «...с его легкой руки меня стали клеймить позором с трибун пониже, на собраниях, в газетах, завели персональное партийное дело и вынесли строгий выговор за то, что в Америке я увидел не только трущобы и очереди безработных за похлебкой. Само собой разумеется, печатать меня перестали...».

Именно в такое «неподходящее время» появился в Киеве нежданный гость из Израиля, что однако не помешало Виктору Платоновичу не только принять его, но и завязать переписку. Первое письмо датировано 12 июля 1963 года:

«Дорогой Шломо! Мне переслали из Киева Ваше письмо, которое меня очень обрадовало и тронуло. Спасибо за память, внимание, высланные книги. Рад, что Вы остались довольны своей поездкой в Советский Союз, что повстречали интересных людей. Мы с Исааком Григорьевичем (одним из ближайших друзей Некрасова еще со студенческих лет И. Г. Пятигорским — примечание автора) тоже с удовольствием и теплом вспоминаем вечер, проведенный вместе с Вами. Такие встречи бывают нечасто и тем приятнее, что они оставляют по себе хорошее воспоминание...»

Хочу привести здесь еще и последнюю некрасовскую весточку — она уже из Парижа. От первого письма ее отделяют ровно 20 лет. Это открытка:

«13.1.84. Дорогой Шломо! Спасибо за поздравление! Не забываете... С запозданием и Вас поздравляю. Не собираетесь ли в Европу! Всегда рад буду Вас увидеть. Обнимаю! В. Некрасов».

А ниже, уже под подписью, маленькая приписка:

«А это — на память о Киеве, где мы с Вами впервые встретились...».

Да, вот, пожалуйста, еще одно свидетельство привязанности и любви писателя к родному городу: эта киевская открытка с видом на Мариинский дворец была, очевидно, вывезена им в эмиграцию и бережно-ностальгически хранилась у него в Париже десять долгих лет...

Всего у Шломо набралось около двух десятков некрасовских писем и открыток, а кроме того они за это время встречались еще дважды. Нужно заметить, что, оказавшись во Франции, Некрасов, наконец, осуществил свою давнюю мечту и объездил более чем полсвета, побывав, если не ошибаюсь, на всех континентах. Но две ранние поездки были для него особенно важны. В 1975 году в Канаде он был гостем местной украинской общины. В сентябре 1976 года впервые посетил Израиль. Его приезд был приурочен к 35-й годовщине трагедии в Бабьем яру. Приехал он по приглашению группы молодых киевлян-репатриантов, которые и организовали необычное торжественно-траурное собрание далеко от места события — на Голанских высотах возле озера Кинерет.

Вот как об этом пишет Шломо Эвен-Шошан:

«...На торжественно-траурной церемонии выступает Виктор Некрасов. Я нахожусь среди публики и гляжу на человека, образ которого будоражит мое сердце с апреля 1963 года, когда мы с ним познакомились в Киеве. Мог ли я подумать, что наша вторая встреча произойдет спустя почти 14 лет в Израиле, на Голанских высотах! И я вспомнил, как тогда, в Киеве, он помог мне найти и посетить Бабий яр в то время, как экскурсоводы Интуриста всячески отговаривали меня от этого. Я не киевлянин и не бывший житель пригорода Киева и все же много уже лет душевно связан с мучениками Бабьего яра, как все, собравшиеся здесь, на высотах Альмагора...»

А сам Виктор Платонович вспоминает об этом в своем большом эссе «Взгляд и нечто», написанном в том же 1976 году и впервые напечатанном в эмигрантском журнале «Континент»:

«...Я сижу на камнях, кругом кустарник, маслины. Передо мной чуть пониже, полукругом люди. Человек пятьсот-шестьсот... За моей спиной развевается знамя с голубыми полосами на белом фоне, то самое, с шестиконечной звездой, которое в «Правде» всегда изображается в руках хищного, алчного, в каске, негодяя с крючковатым носом. Агрессор, мать его за ногу...

И, стоя под ним, не моим, я вспоминал то, мое, красное, перед которым стоял на коленях, когда 284-я стрелковая дивизия наша стала именоваться 79-й гвардейской...

...Пели молитву. Тоже чужую, непонятную мне, как и многое в этой стране. И горы окружали меня чужие, невысокие, складчатые, сухие над вечерним озером. Но себя я не чувствовал чужим. За те немногие дни, что я пробыл в этой маленькой, изрезанной границами, окруженной врагами, обуреваемой страстями, верной чуждым мне традициям стране, я понял, что я ей не чужой, как и то, что она близка мне. Чем же! Чем может быть близка мне страна, язык которой я никогда не выучу, религиозный уклад которой мне далек и мирты не похожи на березы!..

...Упаси Бог, не мне судить, хорошо или плохо жить в Израиле. Я был гостем, мне было хорошо. И друзья мои, бывшие киевляне и москвичи, живут в общем сносно, не жалуются (впрочем, конечно, жалуются, кто в мире на что-нибудь да не жалуется...), но, конечно, кому-то в Израиле плохо. Арабам! Не заметил. Житомирским парикмахерам! Возможно. Но кому-то плохо. Да и бюрократия в этой стране не лучше, чем в других. И даже кто-то взятки берет. Но есть в ней, в этой стране, главное. Все (ну не все, почти все, большинство) знают, что они работают для СВОЕЙ страны. Что ей сейчас нелегко и что все силы надо отдать ей, СВОЕЙ стране. А в родном нашем Союзе мы не знали, кому мы отдаем свои силы — партии, Брежневу, Кубе, Анголе!..»

Любопытно, что через несколько страниц эссе автор с такой же подкупающей искренностью пишет о своей любви к Украине:

«...На Украине я прожил всю жизнь. И родился, и учился, и влюблялся (самой красивой, кстати, была чистейшей воды украинка, Наталка), и воевал, и первый танк увидел на берегу Оскола, а ранен был на Донце... И если в детстве не очень любил Нечуя-Левицкого, то потому же, почему и Тургенева, — их обоих «проходили»... А Украину люблю, потому что люблю Украину (бедный Сосюра, как ему досталось за это, за его «Любить Украину»)...»

Потом как бы подытожит: «Поговорили о евреях, русских, украинцах...» В израильской печати в те две недели Некрасова часто называли «другом еврейского народа». Вполне заслуженно, по-моему. Но мне хочется процитировать здесь размышления на сей счет Шломо Эван-Шошана из статьи, написанной им еще при жизни писателя в 1981 году, к 70-летнему юбилею Виктора:

«...Еврейский народ испытывает чувство горячей признательности к человеку, который искренне любит сынов Израиля. Любовь эта не только бескорыстна, но и самоотверженна, жертвенна, ибо навлекла на него массу неприятностей, сделала его жизнь в России невыносимой... Любовь Некрасова — не филосемитское чудачество, не каприз, и она ни в чем не противоречит русско-украинскому происхождению и мировоззрению писателя. Это — проявление универсального гуманизма, любви к человеку, созданному по образу и подобию Божьему. Отсюда признание прав всех народов, в том числе и еврейского, на национальную честь, на развитие своей самобытной культуры и сохранения наследия предков...».

Эти проникновенные слова Шломо писал после второго приезда Некрасова в Израиль, весной 1981 года. Они тогда снова встретились, на этот раз в Хайфе. Увы, та третья по счету встреча оказалась последней. Когда Некрасов умер в Париже, какая-то незнакомая израильтянка, постоянная читательница Эвен-Шошана, позвонила ему в кибуц и выразила свое соболезнование...

Вот, собственно, вкратце история дружбы двух замечательных людей. Как она «дошла» до меня? Тут цепочка, как нередко бывает в подобных случаях, оказалась одновременно и замысловатой, и предельно простой. Читатель легко поймет это из моего первого письма к Шломо: «Уважаемый коллега! — писал я ему 28 марта 1993 года. — Думаю, что имею право так к Вам обратиться, поскольку, как и Вы, постоянно занимаюсь публицистикой, а кроме того (опять же, как и Вы) — переводами художественной литературы, правда, с украинского языка на русский. Пишу я Вам после того, как мой друг, посол Украины в Израиле Юрий Щербак передал мне одно, а потом и второе письмо от нашей бывшей землячки Зинаиды Финкельберг-Тверской. С удовольствием узнал из ее писем, что Вы дружили с Виктором Некрасовым (это нас тоже сближает), что у Вас сохранились его письма, статьи, книги и т. д. Все это, естественно, необходимо сохранить на будущее, и в настоящее время для решения такой проблемы появились реальные возможности...»

Далее я написал о том, что в Киеве открыт в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИУ) Фонд В. Некрасова, который мы стараемся постоянно пополнять. Рассказал о работе Комиссии Союза писателей Украины по литнаследию Некрасова, о том, как в последние годы чтут его память — мемориальная доска на доме в Пассаже, книга воспоминаний о нем, однотомник избранных произведений, кинофильм о нем и т. д. В ходе нашей переписки Шломо выразил согласие передать некрасовские материалы на родину писателя. Я привез ему официальное письмо от председателя Национальной комиссии по вопросам возвращения в Украину культурных ценностей при Кабинете министров Александра Федорука, в котором, в частности, говорится: «Многоуважаемый господин Шломо Эвен-Шошан! Киевский писатель и журналист Григорий Кипнис, который активно сотрудничает с Национальной комиссией и в прошлом году привез из Парижа часть некрасовского литературного архива, сообщил нам, что ведет с Вами переписку, связанную с Вашим общим другом, замечательным киевским писателем Виктором Некрасовым. Нам также стало известно о Вашем любезном согласии передать некрасовские материалы в его киевский фонд. С признательностью готовы принять у Вас этот дар... Заранее благодарим Вас за благородный и дружеский акт и желаем Вам здоровья!»

И вот я увожу из кибуца Сде-Нахум дорогие для нас бумаги. Это, во-первых, пачка писем в ксерокопиях. Несколько некрасовских изданий: сборник рассказов, изданный в Москве в 1961 году; рассказ «Персональное дело коммуниста Юфы», напечатанный по-русски в израильском журнале «Время и мы» в 1976 году; повесть «Кира Георгиевна» на иврите и др. Произведения самого Эвен-Шошана на языке оригинала, его воспоминания о писателях и книгах, рассказ о поездке «Двадцать дней в Советском Союзе», статьи о Некрасове — на иврите и русском. Газетные и журнальные публикации самого Некрасова, в том числе, например, рассказ «Сталин в пижаме» на русском (израильский еженедельник «Круг» №№ 532, 533, 534 за 1987 год)... И т. д. и т. п.

Нужно отдать должное Эвен-Шошану: несколько месяцев у него ушло на то, чтобы подготовить архив к передаче и снабдить материалы комментариями, особенно необходимыми для непонятных нам публикаций на иврите.

Есть среди привезенных материалов один большой лист с двумя газетными вырезками и комментарием, которые меня очень тронули. История это давняя. В 1961 году В. Некрасов и кинорежиссер Р. Нахманович (оператор Нина Степаненко) создали документальную картину о героях минувшей войны, но не прославленных и именитых (таких фильмов было много), а о почти никому неведомых — в этом и была суть некрасовской идеи. Так сказать, восстановление справедливости — никто не забыт... Авторы предварительно просмотрели тысячи метров фронтовой кинолетописи. Отобрали несколько ярких эпизодов. Разыскали кое-кого из солдат и сержантов, запечатленных фронтовыми кинодокументалистами. Проследили их дальнейшую судьбу. Так родился фильм «Неизвестному солдату».

Однако за пределами фильма остались интересные кадры о санинструкторе Елене Ковальчук. Оператор заснял ее на передовой в июне 1943 года. К тому времени на счету девушки было несколько сот раненых, вынесенных с поля боя. До войны, судя по архивной карточке, Лена работала дамским парикмахером в Киеве. Очень заманчивая история, но все попытки киногруппы найти дальнейшие следы Лены не увенчались успехом.

Зная во всех подробностях об этих поисках, я по просьбе Некрасова написал статью в журнал «Советский экран» под названием «Ищем Лену Ковальчук». Неожиданно в редакцию хлынул поток писем от однополчан и знакомых Лены с подробностями ее боевой биографии, ее фронтовой жизни и трагической гибели. И тогда родился новый трогательный фильм-документ «Жил человек...» — по литературному сценарию Виктора Некрасова в постановке режиссеров Рафаила Нахмановича и Гелия Снегирева...

Рассказанное выше я описал в репортаже «История одной киноленты» и опубликовал в «Литгазете» 13 марта 1965 года под своим тогдашним псевдонимом К. Григорьев. Далее цитирую комментарий Эвен-Шошана: «Эта вырезанная мною из «Литгазеты» корреспонденция пролежала нетронутой в каком-то конверте почти три десятилетия. Лишь в 1992 году, через пять лет после смерти писателя, охотно откликнувшись на предложение Григория Кипниса переслать мои некрасовские материалы в киевский фонд, я вдруг смекнул, что совсем незнакомый мне К. Григорьев является уже знакомым и близким мне Г. Кипнисом...»

Рядом с этой вырезкой Шломо наклеил еще одну мою корреспонденцию из «ЛГ», но совсем недавнюю и подписанную моей истинной фамилией (к псевдониму К. Григорьев я вынужден был прибегнуть в начале 50-х годов, когда посадили моего отца). Корреспонденция называлась «Тридцать лет спустя» (с подзаголовком — «Как Виктор Некрасов пытался вступиться за Андрея Вознесенского») и вышла 26 мая прошлого года. Ее переслал Эвен-Шошану израильский писатель и переводчик с иврита на русский А. Белов (псевдоним Элинсона), который (опять цитирую шломовский комментарий) «...знал о моем причастии к Некрасову и Вознесенскому», но понятия не имел о том, что и автор корреспонденции Григорий Кипнис уже состоит со мной в дружеской переписке. Вот, кстати, и цитата из его, Григория, письма: «...Я еще раз убедился в том, что Вика не только при жизни умел связывать хороших людей, но и после смерти как бы продолжает эту свою благородную миссию. Удивительный он все-таки человек, наш друг Виктор Платонович!»...

Вот такие неожиданные переплетения... А что касается псевдонимов, о которых тут попутно заходила речь, то должен сказать, что настоящая Шломина фамилия — Розенштейн, но, переехав в 20-х годах в Палестину, он вслед за старшим братом изменил фамилию на Эвен-Шошан. Когда об этом узнал их отец — учитель и литератор, живший тогда в Минске, он написал сыну: «Будь тверд, как камень (Эвен), и цвети, как роза (Шошан). Это мое благословение тебе в связи с изменением фамилии. В действительности это даже не изменение. На заре своей молодости я всегда так подписывался. И да будут благословенны мои сыновья, вернувшие мне мой древний венец...»

И да будет благословен Шломо Эвен-Шошан, добавим мы от себя, благородный человек, передавший в Киев материалы, связанные с жизнью и творчеством дорогого нашего земляка Виктора Платоновича Некрасова.

Григорий КИПНИС.
Собственный корреспондент «Литературной газеты» — специально для «Правды Украины».
Сде-Нахум (Израиль) — Киев.